

Georgij Krasnow

К 200-летию Пушкина : "Александр Пушкин и славянство"

Acta Polono-Ruthenica 3, 412-416

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Georgij Krasnow

К 200-летию Пушкина. „Александр Пушкин и славянство”

Так называлась одна из первых Международных Пушкинских конференций 1997 года. Она состоялась 10-11 февраля в Ольштыне, приятном польском городе на пограничье с Калининградской областью, литовскими землями. Ольштынская Высшая педагогическая школа с ее Институтом восточнославянской культуры стала заметным, авторитетным центром в изучении славянских литератур. Общая программа состоявшейся конференции - „Александр Пушкин и славянство” - было заявлено и прослушано свыше 30 докладов. Многие из них были посвящены литературным связям, пушкинским традициям в славянских литературах и всегда злободневной теме - стихотворениям поэта, которые иногда называют „антипольской трилогией”: произведениям, связанным с польским восстанием 1830 - 1831 гг. и событиям вокруг него. Резко, с новыми подходами к этой теме прозвучал доклад известного историка, исследователя документального кино России 1920-х годов доктора искусствоведения В. Листова (Москва) *Александр Пушкин и польское восстание 1830-31 гг.* Обычно этот сюжет рассматривается либо в русле полемики Пушкина с П. А. Вяземским и Мицкевичем, либо в связи со стихами *Клеветникам России* и *Бородинская годовщина*. Докладчик избрал иной аспект исследования. Он напомнил, что еще в кремлевской аудиенции 1826 года император Николай I обещал Пушкину крупные либеральные реформы, к которым вскоре и приступил. 6 декабря того же 1826 г. рескриптом, адресованным графу В. Кочубею, царь создал специальный „секретный комитет”, в задачу которого входили как реформы государственного аппарата, так и сословные преобразования. Основной смысл нововведений, предложенных „Комитетом 6 декабря”, сводился к ограничению

прав чиновничества и облегчению участи крепостных крестьян. К весне 1830 г. Комитет представил царю и Государственному Совету законодательный проект, содержание которого Пушкину было известно. В письме к П. А. Вяземскому от 16 марта 1830 г. поэт так оценил подготовленную реформу: „[...] правительство действует или намерено действовать в смысле Европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных - вот великие предметы”. Однако оптимизм Пушкина оказался преждевременным. Польское восстание поставило реформу под угрозу. Именно в этот момент Пушкиным овладевает едва ли не безумная идея: если быстро подавить, поляков, то благие преобразования в России еще могут состояться. Так, по мнению докладчика, можно объяснить известную „анти-польскую” позицию Пушкина. Восстание 1830 - 1831 гг. сорвало реформу; вскоре „Комитет 6 декабря” был распущен без последствий. В этой связи, полагает В. Листов, следует пересмотреть мотивы спора Пушкина с Вяземским. В их полемике впервые была сформулирована острейшая для России проблема: должен ли угнетаемый народ двигаться к свободе медленно и бескровно, через имперскую реформу? Или он вправе брать за оружие и ставить под угрозу либеральные реформы в империи? Полтора века истории России, по мнению докладчика, так и не дали окончательного ответа на эти вопросы.

Польские и российские ученые сделали немало в понимании творческих споров двух великих поэтов. В 1993 г. появилась во многом итоговая работа Д. Ивинского (МГУ) *Александр Пушкин и Адам Мицкевич в кругу русско-польских литературных и политических отношений*. На конференции же интересен был доклад профессора Калининградского университета А. Дмитровского о типологии лирических жанров в поэзии Пушкина и Мицкевича. Сопоставлялись послания того и другого поэта. Выявлялась близость их исторической поэтики.

Л. Перфильева (музей-усадьба „Архангельское”) заново прокомментировала *Дневные записи для собственной памяти* М. Волконской, матери Л. Н. Толстого. На ее глазах вырос Сергей Григорьевич Голицын, известный под псевдонимом „Фирс Голицын”. Вскоре он станет кумиром петербургской молодежи, приобретет

славу „шалуна и шутника”, музыканта и стихотворца, станет другом М. Глинки и Мицкевича, приятелем Пушкина. В своей эпиграмме *Полубуйтесь же, вы, дети...* поэт отметит „сердечную простоту” „длинного Фирса”, а Сергей Голицын подскажет ему сюжет *Пиковой дамы*.

Заведующая кафедрой теории и истории культуры Нижегородского лингвистического университета Г. Гуменная остановилась на теме *Славянская старина в первой завершенной поэме Пушкина*. Стремление поэта к художественному воплощению „преданий старины глубокой” рассмотрено в докладе на сопоставлении *Монаха* (1813), *Бовы* (1814) и *Руслана и Людмилы* (1820). В лицейских поэмах обращение к славянской старине оборачивалось в большей степени воспроизведением западноевропейской традиции (прежде всего, вольтеровской - с его *Орлеанской девственницей*), несмотря на сюжеты, взятые из русской житийной (*Монах*) и лубочной (*Бова*) литературы, русские пейзажи, суеверия, стилизацию форм эпического повествования. В *Руслане и Людмиле* Пушкин использует не только опыт обрисовки Древней Руси в послании Воейкова к Жуковскому, балладах Жуковского, но и опыт воссоздания документально-летописного и баснословного прошедшего, осуществленный в *Истории Государства Российского* Карамзина, что, наряду с данными в русле традиционной фольклорной трактовки образности и суеверий (русалки, колдуньи и др.) определяет новый подход к „старине” в этом произведении.

Автор этой заметки попытался в своем сообщении *Запад - Восток в художественном сознании Пушкина* на примере послания *К Овидию*, поэмы *Бахчисарайский фонтан* и стихотворения *Фонтану Бахчисарайского дворца* показать поэтическую символику их создателя. Романтические признания героя-отшельника затрагивали реальное, конкретное, выражали основы человеческого бытия. С ними связан апофеоз любви, постоянный мотив в лирике Пушкина. Запад-Восток и художественное пространство, и символы владычества, его трагических начал. Последнее особенно ярко выражено в незавершенной балладе *Недвижный страж дремал...* Запад - Восток со своими притяжениями и отталкиваниями, особенный образ отношения людей, власти, человеческих страстей найдет отклик в поэзии Тютчева, Блока, в творчестве других писателей.

Пушкин и Булгарин в контексте жанрово-стилевых исканий русской прозы 1830-х гг. - тема доклада заведующей кафедрой литературы Псковского педуниверситета Н. Вершининой. Речь шла о беллетристической традиции, реформировавшейся в те годы. Эта беллетристика, как известно, была решительно поддержана Белинским. Пушкин и Булгарин по-разному участвовали в беллетризации русской литературы, каждый вел свой диалог с читателем.

Группа докладов освещала прошлые и современные прочтения поэта: *Пушкин глазами Н. С. Лескова* (Т. Шишко, Варшава, автор новой монографии о Лескове), *„Петербург” А. Белого и „Медный всадник” Пушкина* (К. Павловская, Торунь), *Пушкин в интерпретациях Ю. Дружникова*, русско-американского слависта, автора нескольких книг о поэте, которые должны появиться и в России (А. Володзько, Варшава).

Доклад заведующего Кафедрой восточно-славянских литератур (в Ольштыне), организатора конференции, профессора Б. Бялокозовича назывался *Мариан Здзеховский как пушкинист*. Здзеховскому, страстному поклоннику Л. Толстого, Б. Бялокозович посвятил целую монографию (1995). Одухотворенный творчеством, деятельностью Толстого, личными контактами с писателем, Здзеховский отдавал должное и Пушкину. Он активно участвовал в пушкинском празднике, посвященном столетию со дня рождения поэта, состоявшемся в Кракове. В лекции о Пушкине он выделил свободлюбивые начала пушкинской поэзии: „величайший певец России углубил и прояснил художественную красоту своих творческих дум «добрыми чувствами»...” „Пушкин дал «могучий толчок» свободлюбивым традициям русской литературы”, не исключая и Льва Толстого. В противоборстве с националистическими настроениями М. Здзеховский, по словам докладчика, „придал пушкинскому празднику толстовский характер”. Позже, в ответе на анкету варшавских „Wiadomości Literackich” (1933, nr 1), польский славист, критик отметил высокую народность поэта. Докладчик обстоятельно также проанализировал выступление Здзеховского, открывающее чествование памяти Пушкина в Польше в 1937 г. по случаю столетия со дня смерти русского поэта.

Часть докладов была сконцентрирована на выяснении пушкинских традиций в славянских литературах, на их роли в ста-

новлении национального сознания, литературной критики. Как отметила польская общественность столетие со дня смерти поэта, напомнил Т. Зенкевич (Ольштын), свои наблюдения о восприятии пушкинских поэм в польской литературе изложил З. Збыровски (Быдгощ), о переводах *Капитанской дочери* на польский язык говорил Е. Литвинов (Познань), на польский и украинский *Евгения Онегина* - Л. Миронюк (Ольштын). Реминисценции из Пушкина в творчестве М. Рыльского показал Ф. Неуважный (Варшава), львовские литературоведы аналогичный подход использовали для произведений М. Грабовского и П. Кулиша (Е. Нахлик), для *Марии* Т. Шевченко (О. Нахлик).

Особо следует выделить доклады известных польских филологов Я. Орловского (*Пушкинские традиции интерпретации польских мотивов в русской поэзии*) и А. Бартошевича (*Славянская этнонимия в языке Пушкина*).

Ирена Рудзевич (Ольштын), автор интересных работ по русскому зарубежью и в то же время специалист по книговедению, познакомила с проектом пушкинской библиографии в институте-устроителе конференции. Магистранты Института Ю. Цихоцка и Е. Голембевска посвятили свои выступления болдинским годам в жизни поэта и „Болдинским чтениям”, издающимся в Нижнем Новгороде.

Георгий Краснов

„Автограф”, Москва, 5 - 15 сентября 1997, nr 5 (15), s. 6.